

Юнь Чжи продолжал спокойно есть, и это явно разгневало Безликого Будду.

Одно за другим глазные яблоки начали выкатываться из глазниц на теле статуи и устремляться к Юнь Чжи. По пути несколько из них случайно столкнулись с новичками, всё ещё стоявшими на коленях.

Один из них издал пронзительный крик агонии — глазное яблоко проникло в его тело и проросло на затылке, моргая и озираясь по сторонам.

Всего за мгновение заражённый паразитом человек стремительно иссох, а затем, словно воздушный шар, начал раздуваться.

Сопровождаемый тихим треском, в лбу несчастного образовалась маленькая дыра.

Тут же из неё хлынули бесчисленные насекомые. Жертва, подобно матке, высосанной паразитом, не пролила ни капли крови — от неё осталась лишь тонкая кожица.

Юнь Чжи опустил голову и съёл ещё одну порцию риса палочками.

За его спиной медленно начали проявляться липкие белые щупальца.

Чтобы притвориться таким же человеком, как Цзян Юйхуай, Юнь Чжи с момента встречи с учителем постоянно прятал свои щупальца. Изредка выпуская их, он делал их невидимыми, стараясь не напугать учителя.

Но сейчас учителя здесь не было.

Огромные устрашающие щупальца, усеянные мелкими мягкими шипами и присосками, — сосчитать их было невозможно.

Разумеется, невозможно — его истинное тело и состояло из бесконечного множества щупалец.

Присоски медленно раскрывались и сжимались, словно дыша, а затем...

В бесчисленных присосках распахнулись белые глаза, холодно вззирающие на Безликого Будду.

— Пух!

Глазные яблоки лопались, разбрызгивая в воздухе мелкие капли крови, которые, упав на землю, сжигали целые полчища насекомых.

Коленопреклонённые перед статуей люди не смели обернуться — да они уже и не могли этого сделать. С того момента, как они пали ниц перед жуткой статуей, их тела захватили неведомые создания, и теперь они могли лишь безучастно стоять на коленях, больше ни на что не способные.

Разделавшись с помехой, Юнь Чжи даже головы не поднял, продолжая молча есть.

Безликий Будда в страхе смотрел на него, явно размышляя, что же он такое. Когда взгляд статуи упал на чашку в руках Юнь Чжи, раздался зловещий смех.

— Твой учитель тебя не любит, а ты всё ещё питаешь к нему безумные надежды — хе-хе-хе...

В ушах Юнь Чжи зазвучали голоса старейшин всех пиков — точь-в-точь как в прошлой жизни, когда его убивали.

— Подобную нечисть следует уничтожить!

— Неужели ты, жалкий злой дух, смеешь посягать на Бессмертного Владыку Цзичуань?!

— Отступник и безумец! Как мог Бессмертный Владыка Цзичуань так ошибиться в человеке?

— Дзинь...

Звук фарфоровой чашки, поставленной на землю.

Юнь Чжи закончил есть.

Он взял одну из бамбуковых палочек и поднял взгляд на Безликого Будду:

— Слишком шумно.

Эти вещи он и так давно знал — нечего их ему повторять.

Безликий Будда, в ужасе пытавшийся понять, что за исчадие перед ним: ?

Где он шумел? Он не осмеливался издать ни звука, и сейчас, кроме ночного ветра, никаких звуков не было.

Если уж драться, так драться — с чего такие нелепые обвинения?

Безликий Будда тут же хотел возразить, но Юнь Чжи уже направил на него бамбуковую палочку.

Тихо он произнёс:

— Пусть Небо и Земля безграничны — преобразования их едины; пусть тьма вещей неисчислима — управление ими одно.

Юнь Чжи убрал все щупальца. С белыми волосами, в одиночестве стоящий в чёрной ночи, он казался хрупким.

Слабое белое сияние исходило от него, и вокруг бамбуковой палочки появилось призрачное очертание меча — точь-в-точь как у Меча, Рассекающего Яшму, Цзян Юйхуая.

Юнь Чжи взмыл в воздух, используя искусство лёгкости, и под ужасающим взглядом Безликого Будды, с холодным выражением лица, совершенно не похожий на жалкого и обиженного мальчика перед Цзян Юйхуаем, провозгласил:

— Постичь Единое — и все дела завершатся, обрести бесстрашие — и духи покорятся.

— Мириады вещей — одна сокровищница, смерть и жизнь — единый облик.

— БУМ!

Бамбуковая палочка, наделённая остротой клинка, обрушилась вниз. Белая нефритовая статуя раскололась пополам, и из белого нефрита хлынула густая кровь.

Зависшие в воздухе талисманы остановились, полчища насекомых на земле рассеялись. Остались лишь лужи вязкой крови, промокшие кровью листки бумаги да ряд пустых кресел.

Почти в тот же миг люди, преклонявшие колени перед статуей, словно марионетки с перерезанными нитями, утратили способность сохранять позу и рухнули на землю.

Кто-то, вернув контроль над телом, разразился первым рыданием:

— Я больше не хочу становиться бессмертным! Отец, мать, я хочу домой!

Затем раздались ещё рыдания — редкие поначалу, но всё чаще. Очевидно, эти неопытные дети действительно перепугались не на шутку.

Юнь Чжи посмотрел на бамбуковую палочку.

Это была первая форма «Мириады Феноменов Возвращаются к Единому», которой научил его учитель, — «Небо и Земля».

Небо и Земля рождены изначальной энергией, они — предки всех вещей. Всё в мире может вернуться к Единому, а Единое способно породить всё сущее. Поэтому цветок может стать мечом, а вода — клинком.

То же и с бамбуковой палочкой — ничего удивительного, ведь это мир совершенствования.

Его только раздражало, что, хоть он и говорил себе больше не любить Цзян Юйхуая, подсознательно всё равно подражает ему, да ещё и использует технику его Меча, Рассекающего Яшму.

Вокруг вновь раздались короткие вскрики. Юнь Чжи недовольно поднял взгляд и увидел, что все те, кто прежде стоял на коленях перед статуей, теперь собрались вокруг него.

Из-за долгого стояния на коленях у них нарушилось кровообращение в ногах, и некоторые даже доползли до него, плача всю дорогу.

А разрубленная им статуя начала медленно восстанавливаться, глядя на него ядовитыми глазами, но больше не решаясь действовать.

Юнь Чжи и не рассчитывал одним ударом покончить с ней — он просто не хотел, чтобы статуя больше его беспокоила. Нынешний режим сосуществования, когда она не смеет к нему приставать, его вполне устраивал.

Поев, предупредив статую, он мог отправляться домой.

Оглядевшись, Юнь Чжи обнаружил весьма неловкое обстоятельство: он не знал дороги домой.

Ему не нравился внешний мир, он редко покидал Обитель Созерцания Гор, а когда выходил, то всегда с учителем.

Когда рядом был Цзян Юйхуай, Юнь Чжи никогда не смотрел по сторонам — только на Цзян Юйхуая.

И вот теперь, глядя на высокую гору Неведения и окружающие её горные пики, Юнь Чжи растерялся — не мог понять, где же его дом.

Под испуганными взглядами окружающих Юнь Чжи направился обратно к Безликому Будде.

Бамбуковой палочкой он ловко выковырял из статуи три ядовитых глазных яблока и небрежно бросил их.

Слева направо: первые два глаза упали лицевой стороной вверх, третий — обратной. Сюнь — ветер, юго-восток.

Юнь Чжи приготовился взмыть в воздух, используя искусство лёгкости.

— Пожалуйста, подождите! — раздался слабый голос.

Юнь Чжи обернулся и увидел мальчика, сидящего на земле, который смотрел на него снизу вверх и осторожно спрашивал:

— Вы... можете защитить нас?

Белые волосы Юнь Чжи были весьма заметны — ещё при подъёме по Небесной лестнице многие обратили на него внимание.

К тому же, помня о том, как Цзян Юйхуай демонстративно "принял его в ученики", все присутствующие запомнили его и теперь обращали к нему полные надежды взгляды.

Юнь Чжи отвёл взгляд, проигнорировал их и просто ушёл.

Ещё до подъёма по лестнице в бессмертие ученики Врат Великой Пустоты предупредили их, что путь к бессмертию — это дорога, где выживает один из десяти. Это был их собственный выбор, и он не имел права вмешиваться.

После ухода Юнь Чжи вновь раздалась тихие отчаянные рыдания.

Они действительно испугались мира совершенствования. В легендах говорилось, что бессмертные живут в нефритовых чертогах, обретя вечную молодость и долголетие, — почему же мир совершенствования, который они увидели, был совершенно иным?

Люди, сходявшие с ума и кончавшие с собой на Небесной лестнице, жуткая статуя Будды, их неподвластные им тела и кишачие повсюду злоеющие насекомые — всё это окончательно разрушило их мечты о совершенствовании.

А после того как фигура Юнь Чжи исчезла, из темноты медленно вышел человек.

В белых одеждах, с чёрными волосами и длинным мечом, он казался незапятнанным среди этой хаотичной земли.

Это был Цзян Юйхуай, который, беспокоясь за Юнь Чжи, последовал за ним.

Цзян Юйхуай вздохнул, посмотрел на группу перепуганных детей и мягко сказал:

— Если пойдёте вперёд, найдёте место для отдыха.

Все ошеломлённо моргнули, а затем яростно закивали и двинулись вперёд, нисколько не сомневаясь в правдивости слов Цзян Юйхуая.

Их пошатнувшийся рассудок уже не выдерживал таких сложных мыслительных операций, как "сомнение".

Вновь раздался омерзительный скрежет — "скрип-скрип". Никто не осмелился обернуться. Пусть даже ползком, но все отчаянно стремились вперёд.

Цзян Юйхуай проводил их взглядом, затем перевёл его на неизвестно когда вновь собравшихся кишачих насекомых, которые разлагали трупы.

Он видел, как уже не дышащего человека облепили насекомые, как тот постепенно раздулся, затем быстро сохся, после чего из него выползло ещё больше мелких чёрных жучков.

За считанные мгновения труп исчез без следа.

У Юнь Чжи не было ни капли терпения к посторонним, так что он, конечно, не заметил, что один из коленопреклонённых перед статуей уже превратился в труп и больше не шевелился.

Впрочем, даже заметив, Юнь Чжи ничего бы не предпринял.

Дело не в эгоизме — Юнь Чжи просто равнодушен, с одинаковым безразличием взирая на всё сущее, будь то хорошее или плохое.

В конечном счёте это происходило оттого, что он плохо воспитал Юнь Чжи, не сумел стать ему хорошим учителем.

Так размышляя, Цзян Юйхуай тихо вздохнул и извлёк Меч, Рассекающий Яшму.

Мягко обратившись к Безликому Будде, поглощавшему труп, он сказал:

— Ты напугал моего маленького ученика.

Безликий Будда: ?

Цзян Юйхуай вежливо продолжил:

— Мой маленький ученик, хоть и немного капризен, но по сути хороший ребёнок. Если бы ты его не напугал, он бы не стал так нападать.

Безликий Будда: ??

Они с Цзян Юйхуаем видели одного и того же человека?

Меч, Рассекающий Яшму, сверкнул холодным светом.

— Раньше я не думал, что Юнь Чжи может испугаться тебя. Хоть я и немного рассердился, но ты ещё нужен, поэтому я пощажу твою жизнь.

— Итак, небольшое наказание в назидание. Надеюсь, впредь будешь осторожнее в словах и поступках.

— БУМ!

Ещё один оглушительный грохот, сотрясший землю.

Тем временем.

Следуя указанию Цзян Юйхуая, люди прошли вперёд всего пятьсот-шестьсот метров и увидели небольшой дворик.

Странно — расстояние было невелико, но никто из них прежде не заметил такого заметного строения перед статуей.

Словно это место появилось только после того, как Цзян Юйхуай о нём упомянул.

Разумеется, никто не осмелился усомниться. Все молчаливо проигнорировали эту нелогичность, с дрожью вошли во дворик и, убедившись в безопасности, просто разделались по половому признаку на комнаты, после чего тут же завалились спать.

Что до слишком малочисленности выживших — не смотреть, не думать, не размышлять.

Они слишком устали и перепугались. Сейчас хотелось только выспаться, пусть даже после сна уже никогда не проснуться.

В темноте двери тихо открылись и закрылись — мужчина и женщина осторожно пробрались в угол дворика.

— Говорила же тебе не обращаться к нему за помощью. Этот беловолосый явно не в себе — лучше рассчитывать на себя, чем на других, — говорила Пу Сяююэ, вспоминая холодное выражение Юнь Чжи и невольно содрогаясь.

Юноша, которого она отчитывала, был именно тем, кто обратился к Юнь Чжи за помощью. Он робко кивнул:

— Знаю, двоюродная сестра. Просто я очень испугался... Не то что ты — у тебя есть защитный артефакт...

Пу Сяююэ торопливо перебила его:

— Поэтому не проси больше помощи у беловолосого. Вот ты дурак — лучше бы попросил того бессмертного, который указал нам дорогу. Беловолосый стал таким сильным только после того, как стал его учеником.

— Сун Жуян, не забывай, зачем мы сюда пришли. Мы хотим стать бессмертными, а потом вернуться домой и растоптать их всех! Если будешь действовать по моему плану, я обязательно защищу тебя артефактом.

— Хорошо, сестра, завтра обязательно сделаю, как ты сказала.

Сун Жуян с тупо-покорным видом кивнул, не осмеливаясь упомянуть, что именно Пу Сяююэ предложила ему обратиться к Юнь Чжи.

Пу Сяююэ была довольна поведением этого трусливого младшего брата. Похлопав его по плечу и с озабоченным видом дав ещё несколько наставлений, она вернулась в комнату.

Дверь закрылась.

Сун Жуян всё ещё стоял на месте.

При лунном свете он медленно извлёк из рукава то, что только что выменял у Пу Сяююэ,

завернув камень в найденные на земле листки с талисманами:

плоский предмет неизвестного происхождения, запечатанный множеством талисманов.

Это была основа самоуверенности Пу Сяюэ, её защитный артефакт, который она, по собственным словам, выменяла у странствующего даоса на всё своё приданое.

Сун Жуйн холодно усмехнулся и вновь спрятал предмет в рукав.

Хочет, чтобы он проверял всё на собственной шкуре? Как бы не так.

Тем временем.

Дважды сбившись с пути, Юнь Чжи наконец нашёл правильное направление и успешно добрался до Обители Созерцания Гор.

Ступив на знакомую дорожку из голубого камня и ещё подбодрившись от недавней трёпки Безликого Будды, Юнь Чжи пребывал в довольно хорошем настроении.

Сначала он заглянул на кухню и доел оставшиеся блюда, затем вымыл всю посуду, уничтожив улики. Постояв во дворе, он решил толкнуть дверь в комнату учителя.

Только взглянуть — просто посмотреть.

Дверь бесшумно отворилась, и Юнь Чжи проскользнул внутрь в лунном свете.

Цзян Юйхуай спал на правой стороне кровати.

Учитель всегда спал очень аккуратно — лицом вверх, руки сложены на животе, ноги выпрямлены и сведены вместе. Дыхание ровное — видимо, крепко спит.

И ни малейшего беспокойства о том, что ученик выбежал за дверь.

Юнь Чжи сжало сердце, он сжал кулаки.

И правда — учитель его не любит, с чего бы ему заботиться о том, сыт ли Юнь Чжи, хорошо ли спит? Давно пора было перестать заблуждаться и не питать к учителю нереальных надежд.

Даже если прежде учитель брал его за руку и касался лица — не стоило обманываться. Учитель просто считал его учеником, совсем не любил.

Юнь Чжи на цыпочках удалился и вернулся в свой боковой дворик.

Он применил к себе искусство очищения, укрылся одеялом и непривычно прижался к пустому месту рядом.

Наткнулся только на собственную кучу уныло грустящих о том, что больше нет маленьких щупалец, безжизненных отростков.

Первая ночь без учителя — такая одинокая.

Юнь Чжи обнял свои щупальца и медленно закрыл глаза.

Ничего, у него есть щупальца. Нужно привыкать.

Свернувшись среди собственных щупалец, Юнь Чжи постепенно успокоил дыхание.

Долгое время спустя дверь спальни тихо приоткрылась.

Цзян Юйхуай подошёл к его кровати и осторожно поправил одеяло.

Лишённые контроля со стороны основного сознания щупальца пребывали в полудрёме и, решив, что им снится сон, потянулись к знакомому запаху, обвили руку Цзян Юйхуая и, источая розовые пузырьки:

"Хе-хе, учитель, обнимашки!"

Цзян Юйхуай тихо рассмеялся.

При таких явных провалах конспирации Юнь Чжи всё ещё считал, что хорошо скрывает щупальца.

Как же... мило.

Улыбка Цзян Юйхуая постепенно угасла.

Он слишком мало знал о Юнь Чжи. Необходимо найти способ выведать, о чём тот думает и что именно нужно делать, чтобы помочь ему.

Он любил Юнь Чжи и не хотел, чтобы тот постоянно терзался сомнениями.

<http://bllate.org/book/13450/1197538>